

Борис Колоницкий,

Европейский университет в СПб, Институт истории РАН

Политическая порнография: случай России (1914-1917)

Термин «политическая порнография» связан с французской революцией конца 18 века. Мы ее называем Великой французской революцией.

Начну с исповедального сюжета. Единственное, чем я занимаюсь – это история революции 1917 года, больше я ничего не знаю. И была такая житейская история. Во время первых выборов Путина мы должны были встретиться с одним моим приятелем – Феликсом Якубсоном. Он опоздал на 40 минут и приехал в состоянии полного энтузиазма, потому что он 40 минут ждал автобус, а в то время кое-где были тумбы с избирательной программой Путина. Феликс прочитал избирательную программу Путина, и она показалась ему очень интересной. Феликс Якубсон – единственный мой знакомый, который прочитал тогда избирательную программу Путина. И я подумал: как мы изучаем революцию 1917 года? Как историю политических партий, конфликты между ними, их позиции. Максимум, что мы изучаем, и пока изучили очень плохо – это перевод партийного языка на язык общественного, массового сознания. Я представил, как лет через 20-40 какой-то историк начнет изучать причины победы Путина на выборах и станет тщательно, с карандашом изучать его избирательную программу и будет искать в каких-то пунктах этой программы причины его победы. Мне кажется, что это очень мало имеет отношения к действительности. Гораздо больше имеют отношение какие-то образы, репрезентации и так далее.

Я подумал, почему мы так рационализируем наших предков, почему мы считаем их более разумными, чем мы? И тогда я понял, что то, чем я занимаюсь, имеет смысл. Потому что некоторые мои коллеги думают так: Борис Иванович Колоницкий – человек, конечно, хороший, в архивах работает, и документы изучает, но занимается всякой чепухой (политическая порнография, репрезентации и прочее). А у меня в связи с этим были два книжных импульса. Однажды мне удалось прослушать в Кембридже курс Французской революции. Пара занятий там была посвящена десакрализации монархии в конце 18 века. Когда раздавали списки литературы силлабуса, то преподаватель заметил: «Это чтение не для слабонервных». Естественно, первое, что начали читать студенты и другие слушатели, вроде меня, – это то, что не для слабонервных. И я был глубоко впечатлен и материалом по Французской революции и подходом.

Они используют термин «политическая порнография» с полным основанием, потому что, если посмотреть французские гравюры конца 18 века, то это порнография по всем нынешним стандартам. Например, изображение Марии Антуанетты с несколькими партнерами разного пола, то есть то, за что сейчас можно судить, сажать безо всяких сомнений. И это очень напоминало российский сюжет, потому что Людовик XVI там, – неспособный, манипулируемый, слабовольный, подкаблучник, импотент. Мария Антуанетта – иностранка, распущенная, коррумпированная шпионка. Все это очень похоже на ситуацию в России перед революцией 1917 года, за исключением того, что Николая Второго никто не называл импотентом. Я подумал: почему же я этим не занимался? С момента написания диссертации у меня сохранилась большая картотека, брошюры, издававшиеся в то время. Наверное, процентов 95 того, что тогда издавалось в Петрограде, процентов 80 того, что издавалось в Москве и кое-что из того, что издавалось в провинции. Я сделал большую картотеку, все это «перелопатил» и начал создавать этот текст.

Другая книга, которая на меня произвела впечатление, вернее, не книга (книга была потом некоторым разочарованием), а статьи, предваряющие книгу Ричарда Уортмана, 2-томник, переведенный сейчас на русский язык, «Сценарии власти». Наряду с прочим, его книга посвящена репрезентации монархии. Много подходило к моему материалу. Но,

вместе с тем, у меня возник ряд возражений, потому что Уортман совершенно не занимается восприятием образов: репрезентация «выпускается» монархом или министерством двора, а какова жизнь этой репрезентации, как она работает на уровне восприятия аудиторией, он не говорит.

Я решил совмещать эти подходы. Я изучал массовую культуру накануне 1917 года и непосредственно 1917 года. Дело в том, что накануне февральской революции существовал своего рода «самиздат»: перепечатывались стишки фривольного содержания, которые после февральской революции пошли в печать. Вот пример: «А на могиле-то его приказано сажать лишь лилии. И надпись написали: «Здесь лежит член императорской фамилии»». Это о Распутине, а потом, после 1917 года, этот стишок еще каким-то образом обыгрывался. Иногда удавалось найти какие-то машинописные листочки с пометками: «Приобретено за столько-то рублей у здания Публичной библиотеки». То есть, этим подторговывали, был такой бизнес. Были и кустарным способом сделанные картинки, было довольно много фотоателье, где печатались такого же рода карточки. Что-то из всего этого можно найти и до февральской революции, а после февральской революции это, конечно же, хлынуло. Была разного рода литература: «Тайны дома Романовых», «Тайны Царскосельского Дворца» и прочее. В это время была издана книга «Святой черт» Илиодора Труфанова. Это была лживая книга, которая повлияла на восприятие Распутина. Сначала она была опубликована в «Голосе минувшего» - это сейчас библиографическая редкость, затем, в 1917 году - два издания разошлось. Издавал Мельгунов, очень серьезный историк, который придал этой книге значимость, которой она не заслуживала. Очень многие интеллигентные люди покупались на это. Дубнов в своем дневнике пишет: «Вот сейчас мы узнали, что происходит, вот сейчас открылись все мерзости». А на самом деле там было очень много фальшивого.

Я анализировал разные памфлеты, листовки, открытки, карточки, пытался реконструировать репертуар театров в 1917 году. Они брали известный сюжет, каким-то образом включали туда Распутина, и это шло «на ура». Меня удивило, как много фильмов было снято в 1917 году, посвященных тайнам дома Романовых и подобных – до десятка кинолент. Интеллигентная публика была очень озабочена, потому что выяснилось, что свобода – это свобода порнографии. Репертуар театров и кинематографа не вызывал у них энтузиазма, поскольку «плодятся мерзости как крысы и громко хвалит детвора роман развратнейшей Алисы и тайны Гришкина двора» - это стишок с упоминанием названий кинофильмов того времени. В некоторых случаях названия кинофильмов вызывали даже протесты, и Перестиани, будущий создатель «Красных дьяволят», созвал в Москве собрание деятелей кинематографа, и они написали протест. Дело кончилось тем, что из одной киноленты, созданной кинофирмой Липкина, были вырезаны сцены «Распутин в бане», которые являлись уж совсем неприличными. В данном случае использовался термин «порнография».

Вот некоторые картинки. Три главных героя. Николай Второй предстает по-разному. Иногда он активный деятель: он предает Россию, продает ее Германии. Этот образ активного Николая Второго связан с его сексуальной распущенностью: у него разные любовницы, роман с Вырубовой. В этих памфлетах рисуется образ развратной, чувственной красавицы, хотя мы знаем, что Вырубова была совершенно не такая и ходила с костылями. Другой образ Николая Второго – пассивный. Это слабовольный, слабохарактерный пьяница. Жертва жены и Распутина, которые над ним издеваются, а он только пьет. Есть кинохроника, где показано, как Николай Второй возлагает на себя присужденный ему орден Святого Георгия. При этом в темном зале, по свидетельствам современников, кто-то кричал: «Царь-батюшка с Георгием, а царица с Григорием». В некоторых случаях это персонаж, отравленный порошками Бадмаева, и им манипулируют как хотят.

Распутин. Его влияние очень преувеличивалось. И сейчас среди историков нет единодушия в том, какова была реальная степень влияния Распутина. Некоторые мои

коллеги склонны вообще ее отрицать. Я так не считаю. Но совершенно очевидно, что разные памфлеты фантастически преувеличивали эту степень. Его называли фактическим императором России, Григорием Первым, царем, патриархом и так далее. Если мы посмотрим не просто памфлеты, но и некоторые тексты, то увидим, что везде есть преувеличения. Они есть и в донесениях иностранных дипломатов, и в текстах Ленина. Это была не просто пропаганда: преувеличенное представление о влиянии Распутина сказывалось на принятии серьезных политических решений.

Третий персонаж – императрица Александра Федоровна. Она никогда не была популярна. Как только она приехала в Россию, ее стали называть «гессенской мухой». Она – дочь герцога гессенского, а гессенская муха – это насекомое-вредитель, уничтожающее посевы злаков. Она не смогла стать популярной, и если до Первой мировой войны это еще было в каких-то рамках, то после возникло множество слухов. Один из слухов – политические обвинения в том, что она предательница. Поначалу она просто симпатизирует Распутину. Показателен анекдот, записанный в дневнике Локкарта, британского дипломата и разведчика. Он это не включил в опубликованный текст своих дневников. Вот дневниковая запись, сделанная весной 1915 года: «Ходит несколько хороших анекдотов. Вот один из них. Дворец. Маленький царевич плачет. Няня спрашивает его: «Мальчик, ну что ты плачешь все время?» Он отвечает: «Знаешь, няня, когда бьют русских - плачет папа, когда бьют немцев - плачет мама». То есть, выражая некоторую солидарность с родителями, мальчик вынужден плакать все время, потому что в любой ситуации бьют своих. Интересно, что этот анекдот дошел до английского консульства в Москве, пройдя какую-то цепочку. Для меня важно то, что не в одном дневнике он записан и не только в дневнике.

Однако, просто симпатия к немцам – это пустяки, потому что обычно императрица предстает как шпионка, спекулянтка и диверсантка. Ходили упорные слухи, что в Царскомельском дворце находится тайная радиотрансляционная станция. И шустрые патриотические разведчики уже напали на след и были готовы всех схватить, но последовал приказ сверху, и ничего не было сделано. Потом действительно искали эту станцию, но, конечно же, ничего не нашли. Но интересно, сколько людей этому верило. Существует запись в дневнике фронтового генерала. Он это описывает как сенсацию. Нельзя сказать, что он полностью в это верит, но и не отбрасывает как полную чепуху. То есть множество современников верило в такую тайную радиотрансляционную станцию для передачи секретной информации.

Ходили также слухи о том, что царица является покровительницей спекулянтов, которые осуществляют торговлю с Германией через Швецию. Действительно были такие случаи. Но тут мысль была такая. В Германию царица продает хлеб, и это единственная причина того, почему Германия еще держится, несмотря на сложное продовольственное положение. Это, вместе с тем, якобы объясняет, почему в России такое сложное положение с продовольствием.

Были и политические обвинения другого рода. Говорили, что царь царствует, а правит царица, что царица является фактическим руководителем русского правительства. Действительно, в годы Первой мировой войны влияние царицы возросло, однако, общественное мнение фантастически преувеличило это влияние. Ей вменялось в вину то, что она готовит переворот, хочет сместить Николая Второго с помощью немецких штыков. Интересно то, сколько людей верило в это и какие важные люди. Когда императрица приезжала в Могилев в Ставку Главнокомандующего, начиналась паника – прятали секретные документы, боялись, что если документ попадет ей на глаза, то станет известен Германии. Ходили слухи, что якобы Морской министр специально дезинформировал царицу, и в тот момент, когда должны были прийти русские корабли, их уже ждали немецкие подводные лодки.

Вторым обвинением является обвинение в распутстве. Называлось довольно много ее любовников, но ключевой фигурой был, конечно же, Распутин. Вот памфлет 1917 года

«Самодержавная Алиса и распутный Гриша». Тут царица даже не похожа на царицу, однако она принимает ванну в короне, значит царица. Герб указывает на то, что действие происходит в императорском дворце. Царица протягивает яблоко, то есть играет активную роль в соблазнении Распутина. Заключительная часть: «По заслугам и честь»: царица униженно благодарит Распутина, позади нее германский герб, император держит свечку. Наверно, это может быть прочитано следующим образом: «свечку держал», то есть знал, одобрял.

Что интересно, Когда я начинал эту работу, я был библиографом в Российской Публичной библиотеке. Свою картотеку я составлял еще при «старом режиме». Будучи профессиональным библиографом, я картотеки Публичной библиотеки буквально излазил. В каталогах Публичной библиотеки этой брошюры не было. Я нашел ее только в архиве, в одном фонде, где человек подшивал все, что он мог найти. Теоретически в Российской Национальной Публичной библиотеке должно быть все. Но, по моим ощущениям, разного уровня цензура и самоцензура повлияла на создание подобного рода библиографии. Ну зачем комплектовать такие неприличные никому не нужные вещи? Когда мне понадобилось, я ничего не смог найти.

То же самое было и с открытками. Когда я занялся этим делом, я пошел в отдел эстампов Публичной библиотеки и стал смотреть открытки. По частным коллекционерам пошел и стал смотреть открытки. Я старался найти самые неприличные открытки 1917 года. Я им говорил, немного подмигивая: «Мне для науки надо, для дела». «Нет, - говорят, - ничего не было». Покажу самую неприличную открытку 1917 года из всех, что я смог найти. Опять же самодержавие, игра слов, царица не похожа на царицу, Распутин не похож на Распутина и так далее. Самое грустное состоит в том, что эту открытку я смог найти в фонде Джона Рида в архиве Гарвардского Университета. Здесь я ее найти не смог, хотя есть номер, серия, и открытка могла бы быть, если бы интеллигенты из Публичной библиотеки не решили, что такую гадость комплектовать не надо и из-за этого я лишен замечательных источников.

Что характерно, все это никак не сопоставимо с французскими вещами. Ничего подобного тому, что было во Франции конца 18 века, насколько я могу судить, в это время в России не существовало. И современники об этом же пишут. Я старался найти все самое неприличное, как во Франции. Нет такого как во Франции, все гораздо более ограничено. Может быть, я вас разочаровываю, может быть, вы пришли увидеть что-то эдакое, но что есть, то и есть – я правду говорю. Один раз, когда я докладывал на международной конференции, мой коллега встал и сказал: «Борис, почему вы, русские, всегда изучаете то, чего у вас в России на самом деле не было и нет, вроде гражданского общества или политической порнографии?» Я ответил, что насчет гражданского общества не знаю, а за нашу политическую порнографию готов биться. Потому что, если люди это в то время называли политической порнографией, если этот термин употреблялся, значит для них это была порнография – это моя позиция.

Есть еще несколько вещей, о которых я хочу с вами порассуждать. Вот еще одна открытка 1917 года. Мы видим муху (намек – «гессенская муха»), мы видим германскую телеграфную станцию, ворон в короне – это карикатура на германского орла, который плачет. Имеется в виду судьба Александры Федоровны. Но как изображена Александра Федоровна? Она изображена в виде монахини или сестры милосердия. То есть это были люди с очень развитым символическим сознанием, которые заботились о своей презентации. Вспомним Николая Второго. Как он сменил свой образ во время Первой Мировой войны: без парадной формы, без орденов, в простой гимнастерке, скромнее, чем многие генералы, его окружавшие. Это образ императора, разделяющего с народом его тяготы, образ простого полковника.

Какой образ взяла императрица в годы Первой Мировой войны? Сестра милосердия. На одной открытке она с двумя старшими дочерьми Ольгой и Татьяной. Известно, что многие визиты по стране они совершали в костюме сестер милосердия.

Когда императрица узнала о том, что император отрекся от престола, она, по воспоминаниям современников, сказала: «Буду простой сестрой милосердия». То есть она себя репрезентировала как простая сестра милосердия. Она была убежденной дамой, и это было для нее вполне серьезно. Это не было игрой в переодевание, как это бывает у императоров – иногда по нескольку раз на дню переодеваться. Она и дочери прошли фельдшерские курсы и не просто работали, они ассистировали во время операций. Княгиня Гедровиц оперирует (хирург), императрица стоит и ассистирует. Очевидно, что это постановочная фотография, иной она не могла быть, очевидно, что все открытки, снимки были одобрены Министерством Императорского двора. Иначе быть не могло, потому что любые снимки должны были пройти через специальную цензуру этого министерства.

Возникает вопрос о переводе этого образа, о том, как он был прочитан. Как мы сейчас отнеслись бы к такому образу императрицы? У меня это вызывает глубокое уважение. Она действительно ассистировала при операциях и, некоторым образом, она видела Первую Мировую войну гораздо более серьезно и реально, чем Николай Второй. Он сидел в штабах, читал донесения, смотрел на карту. Когда он посещал войска, это были выглаженные солдатики для смотров. Когда он посещал госпиталя, это были аккуратно перебинтованные раненные и больные, которые знали, что говорить. Конечно, Царскосельский лазарет это тоже нечто особое, но все-таки она многое видела, об этом свидетельствуют ее трогательные письма Николаю Второму. Эта изуродованная плоть, эта кровь, эти запахи – это все кусочек настоящей войны. Все это вызывает большое уважение. Но не у всех, поэтому в целом это было ошибкой в репрезентации.

Было три вида возражений, почему люди не принимали такую репрезентацию. Первое. Не царское это дело - быть как простая прислужница. Царица должна взирать с высоты своего трона в горностаевой мантии и никак иначе. Второй момент. Викторианское возражение. Две молодые незамужние девушки видят обнаженные тела мужчин, а может быть, (о, ужас!) трогают обнаженные тела мужчин. А как они могли не трогать, если они перевязывали? Третье обстоятельство. Особенности восприятия сестры милосердия в России во время Первой Мировой войны. Вот картинка: раненый воин, за ним ухаживает сестра милосердия. Трогательная постановочная фотография. Какое послание стоит за этим? Женщина, терпеливо выполняющая свой христианский и патриотический долг, символ России, символ женских добродетелей. Со временем восприятие сестры милосердия изменилось, потому что очень часто стали появляться в письмах сообщения о том, что в госпиталях господствуют вольные нравы. Была такая поговорочка, что Японскую войну господа офицеры пропили, а эту - ... (назывался соответствующий глагол). Распространялись слухи такого рода: вот, дескать, наши разведчики вернулись, товарищи погибли, а из офицерской землянки слышны крики. Они посмотрели, а там офицеры, полковой священник и сестры милосердия. Ну мы туда гранату и бросили. Я думаю, что ввали они про это в своих письмах, но такой образ тоже был.

Сестры милосердия назывались «сестры без милосердия», «кузины милосердия», «сестры утешения», штабные автомобили назывались «сестровозами», потому что существовал образ штабных офицеров, которые катают сестер милосердия. Как всегда, полусвет копирует моду света. Многие дамы света участвовали в деятельности Красного Креста, и краснокрестную форму зачастую стали использовать профессиональные проститутки. И это было достаточно распространено, настолько, что немецкие сестры милосердия, которые приезжали в Россию по обмену (это была такая война, что русские сестры посещали лагеря для русских военнопленных в Германии и Австро-Венгрии, а те приезжали сюда), стеснялись ходить в краснокрестной форме, потому что сразу же получали множество недвусмысленных предложений.

То есть, с одной стороны, министерство Императорского Двора способствовало тиражированию такой репрезентации. А представьте себе в таком контексте открытку или

плакаты, подтверждающие самые ужасные слухи о Распутине и царице, о Распутине и царевне. Потому что были слухи, что царская дочка от Распутина забеременела и что это было одобрено императрицей и тому подобное. Кто распускал слухи? Это большой вопрос историографии. Давно идет дискуссия, была ли февральская революция стихийная или организованная, то есть некий заговор. Существует мнение, что эти слухи распространялись сверху: либо двором, придворными, разными аристократами, либо либеральной интеллигенцией, которая фабриковала эти слухи.

Когда я излагал эти материалы, то некоторые мои коллеги меня критиковали и говорили, что массовая культура 1917 года – это особое дело, она не свидетельствует о предшествующем периоде. И тут мне попался один замечательный источник. Когда я делал сообщение, Борис Моисеевич Виттенберг, работавший тогда в Историческом архиве, спросил меня, почему я не использую дела об оскорблении императорской фамилии. И я пошел в Исторический архив и взял 405 фонд министерства юстиции и стал, сажая свои глаза, смотреть ужасные микрофильмы. Это был замечательный источник, который сейчас востребован: Анисимов по 18 веку, Лукин, сын Лукина – по 17, Побережников – по 19 веку, кто-то по 20 веку работает. Такой оказался модный востребованный источник. Я смотрел большую сводку этих дел и все время чувствовал, что я должен получше обработать этот источник, что он требует гораздо более серьезного отношения. И тут я должен выразить особую благодарность президенту Путину и его Управделами Кожину. Потому что я ходил вокруг Исторического архива и думал: ну потом когда-нибудь. А когда они решили наложить лапу на Архив, я понял, что все, больше я туда не войду никогда. Меня это разозлило, я написал статью в газете «Дело» и пришел в Архив со своим лэп-топом. А когда я пришел в архив, сотрудники уже готовы были давать мне все, что я захочу. И они давали мне уже не микрофильмы, а настоящее дело. И так я со своим лэп-топом сидел и забивал все это в таблицы. Сейчас у меня полторы тысячи случаев оскорбления императорской семьи. В том числе, в годы Первой Мировой войны. Как оскорбляли, кого оскорбляли – мне это очень интересно. С несколькими молодыми девушками мы на паритетных началах обмениваемся оскорблениями. Например, мне из Ульяновска присылают сообщение о том, как оскорбляли императрицу, а я им тоже. Мне оскорбление – я оскорбление. Такой вот жесткий бартер.

Что это было за преступление? Была статья об уголовном уложении, и это было государственное преступление. Я представлял себе государственных преступников в России как агитаторов или бомбобросателей. Однако, большая часть государственных преступников – это люди, которые сидели за оскорбление царя. И как мне говорили люди из «Мемориала», по 58 статье значительная часть сидела за то, что рассказали анекдоты или пририсовали что-то к портрету Брежнева, то есть традиция продолжалась. Это было преступление, и по закону можно было получить до 8 лет. Мне не встречались такие случаи. Обычно наказание было спокойное: несколько недель, несколько месяцев отсидеть. Встречались такие приговоры: год в крепости за оскорбление царской семьи. При этом и преступники отличались от других преступников. В других преступлениях были представлены этнические меньшинства, образованные люди там также доминировали. А это было русское крестьянское преступление. Его совершали люди неграмотные, хотя часто ввали, чтобы смягчить ответственность, и это работало. Это преступление считалось пьяным.

Когда началась Первая Мировая война, криминологи прогнозировали количественное снижение этого вида преступлений. Причинами этого снижения должно было бы явиться ограничение продажи спиртных напитков и то, что наиболее вероятная возрастная группа была послана на фронт. Эти прогнозы не оправдались. Во-первых, люди, принадлежавшие к этой группе, находили способы выпить, несмотря на все запреты. А во-вторых, оказалось все не совсем так, как предполагалось: количество этих преступлений стало увеличиваться, и в феврале 1916 года было принято решение

ограничить привлечение по этой статье. Их было уже слишком много, это становилось плохим индикатором. Получается, что статистика тут совсем не при чем. Некоторые мои коллеги говорят, что количество этих преступлений, согласно статистике, снизилось вследствие патриотического подъема. На самом деле, просто меньше привлекали к уголовной ответственности. Когда через какой-то город шел эшелон с пьяными солдатами, все полицейские мечтали только о том, чтобы он поскорее прошел, а не о том, чтобы привлечь кого-то. Тем более, они закрывали глаза на то, что кто-то ругает царя. Так что статистика здесь не работает.

Но это замечательный источник в том плане, что он говорит о различных конфликтах, прежде всего в деревне. Среди них есть горизонтальные конфликты, и есть вертикальные. Вертикальные конфликты – это способ поддерживать дисциплину в деревне. Например, у старосты проблемы с каким-то крестьянином. По этой статье его всегда можно было «прихватить». Допустим, крестьянин приходит в сельское правление и начинает ругаться, а староста ему говорит: «А что это ты ругаешься в комнате, где висит портрет Его Императорского Величества?», или «А что это ты в шапке находишься в комнате, где висит портрет Его Императорского Величества?», или «А что ты куришь в комнате, где висит портрет Его Императорского Величества?». А крестьянин отвечает: «Да пошел ты со своим императорским величеством!», и крестьянина сразу брали за эту статью и вписывали куда надо. А иногда наоборот, крестьяне провоцировали старост таким же образом. И в других деревенских конфликтах крестьяне ловко пользовались этим приемом. Например, возникла ссора из-за межи, или из-за порубки леса, или из-за наследства. Один говорит: «Ах, ты, сволочь!». А другой отвечает: «Я не сволочь, я царю помочь - мой сын в армии царю служит». «А пошел-ка ты с царем...». «Ах, пошел!..» И так далее. Но иногда это были и политические обвинения.

Мне известны полторы тысячи таких дел. В 1200 оскорбляют царя. Наиболее часто встречается слово «дурак»: «царь-дурак». Интересно, что в этих делах, связанных с оскорблением, появляется еще один персонаж. Это Вильгельм Второй. Иногда Вильгельм предстает как положительный персонаж, противопоставленный Николаю Второму. Это свидетельствует о том, как прочитывалась правительственная пропаганда. Например, говорят о том, что Германия 40 лет готовилась к войне. Появляется такое рассуждение: «Немецкий-то царь 40 лет к войне готовился, снаряды делал да пушки отливал, а наш-то дурак только водку продавал и театры открывал» (совершенно бесполезное дело). Или: «а наш-то пробочник только водку гнал да школы открывал». То есть получалось, что царь не выполнял свои профессиональные обязательства.

Играя с этими таблицами, я рассматривал национальную специфику. Например, то, как евреи оскорбляли царя, или то, как немцы оскорбляли царя. Немцы говорили: «Наш царь умный, а вы – дураки и царь ваш дурак». Это понятно. Но у русских крестьян и казаков был точно такой же аргумент: царь не выполняет свои профессиональные обязанности.

Итак, когда я начал заниматься конкретными делами, то испытал большой культурный шок, потому что там было не то, что было в памфлетах. У меня было четыре главных героя: 1200 дел – Николай Второй, 70, 60, и 50 – другие три персонажа. Меня поразила одна вещь: необычайно мало дел по оскорблению Александры Федоровны. Когда я шел в архив, ожидал увидеть кучу дел про царицу и Распутина, а Распутин там упоминается всего один раз, и то не в связи с Александрой Федоровной. Там текст очень неприличный, но, к сожалению, не про Александру Федоровну. С удивлением я обнаружил, что второе место держит великий князь Николай Николаевич - Главнокомандующий русской армией до лета 1916 года. А третий персонаж, что меня чрезвычайно поразило, - вдовствующая императрица Мария Федоровна.

Реплика из зала: Когда они критиковали, они делали какие-то предложения?

В данных случаях они оскорбляли. Царь – дурак, и все. Были иногда некие садистские предложения от крестьян о том, что сделать с царем и его семьей. Например, забить топором и именно тупым, чтобы было больше мучений. Но, как правило, оскорбления не несли каких-то практических выводов. Возникает вопрос, почему в делах по оскорблению так мало про Александру Федоровну, которая была главным персонажем памфлетов. Объяснение у меня такое: когда ругали царя, это считалось оскорблением, а когда ругали царицу, это считалось правдой, и в таких случаях не доносили, не информировали. Показателен анекдот, который зафиксирован в двух дневниках в годы Первой мировой войны. В Москве судят одного крестьянина за оскорбление царя, вызывают свидетеля, другого крестьянина и спрашивают: «Правда ли то, что Антипов оскорблял Его Императорское Величество?». Свидетель отвечает: «Да правда, правда. Я ему говорю: «Что ты этого дурака ругаешь, во всем эта стерва виновата»». То есть он считает именно так и тут же в здании суда совершает государственное преступление, за которое его могут привлечь.

Почему это должно быть интересным? Как я уже сказал, многие современники верили и многие историки до сих пор верят, что эти гнусные слухи распространялись сверху: либо аристократией, предавшей царя, либо либеральной антимонархической интеллигенцией. Есть версия, что это распространяла немецкая фронтовая пропаганда, которой это, безусловно, было выгодно. Так вот, сопоставление памфлетов со слухами свидетельствует о том, что в ряде случаев это было не так. Иногда персонажи разные, иногда сюжеты разные. То есть, наряду с вертикальным распространением слухов сверху вниз, было и горизонтальное. В некоторых случаях - я могу это доказать - была некая фольклорная традиция оскорбления императорской семьи, она была достаточно развита, и люди реагировали на какие-то события в соответствии с традицией.

Вместе с тем, очень часто встречающиеся в литературе противопоставления развитой культуры верхов и примитивной культуры низов не соответствуют действительности. Не настолько глубоки эти различия: верхи верили в ту же самую чепуху, что и низы. Некоторые мои коллеги утверждают, что в России большое распространение получило антимонархическое сознание, о чем и свидетельствует увеличение количества дел об оскорблении. Иногда это действительно было так. Например, пьяного крестьянина задержали за кражу пяти подушек. При аресте он кричал: «Долой царя, долой самодержавие! Да здравствует революция!» В результате его привлекли не только за кражу, но и за оскорбление императорской семьи. Были и другие случаи. Но во многих случаях эти дела об оскорблении императорской семьи свидетельствуют о совершенно обратном – о сохранении монархического сознания. Очень часто оскорбляя одних членов императорской семьи, они противопоставляли им совершенно других, «хороших» членов императорской сем. Например, плохой царь – хороший Николай Николаевич, плохой Николай Николаевич – хороший царь, плохая мать царя – хорошая императрица, хорошая императрица – плохая мать царя и так далее. К царю, как я уже говорил, претензия одна – он не выполняет свои монаршие обязанности, он подмененный царь и, если угодно, самозванец. Это, как мне представляется, свидетельствует об еще одной очень важной вещи. В условиях кризиса политическая поддержка режима значительно сужалась, и многие монархически настроенные люди, которые в иной ситуации могли быть опорой режима, в этой ситуации переставали быть таковой. Спасибо.

Лев Савулькин (Леонтьевский Центр): С чем связаны эти настроения. Или персонажи не подходили в качестве представителей власти, или происходили реальные конфликты внутри императорской семьи? Насколько страх перед Распутиным (а в его убийстве принимали участие представители императорской семьи) соответствовал его реальной роли?

Как я уже сказал, сейчас активно обсуждается реальная роль Распутина. Один из моих коллег написал довольно много текстов, где он всячески пытается преуменьшить влияние Распутина. Он профессиональный историк, но, на мой взгляд, он слишком воодушевлен своей идеей. Влияние было, но общественное мнение его фантастически преувеличивало. Так, никто не доказал, что Распутин был немецким шпионом. И когда я сказал об этом Стефану Керенскому, он со мной не согласился: раз дедушка писал, что Распутин – шпион, значит так оно и было. Люди верили и верят, что Распутин был немецким агентом.

По поводу реального авторитета. Может быть, я слишком вольно отвечаю на Ваш вопрос, но я действительно так думаю. Помните анекдот 1967 года в связи с 50-летием революции: указ Верховного совета наградить посмертно Романова Николая Александровича орденом Ленина за создание революционной ситуации в 1917 году? И действительно, он внес свой вклад. Я не считаю, что он был хорошим политиком. Он был плохим политиком. Но ситуация в России начала XX века была столь сложна, столь запутанна, что даже очень хороший профессионал имел бы очень ограниченные возможности. Для России начала XX века я не вижу никаких хороших сценариев. То, что случилось – это, конечно, очень плохо, но надо учитывать, что он оказался в таком «коридоре».

Существует широко распространенная в историографии либеральная точка зрения, идущая от «кадетов», что царь вовремя не пошел на уступки, не создал министерство доверия: смягчился бы кризис, вовремя бы уступил. А он был такой упертый, ничему не научился, дразнил там, где не надо было дразнить. Но при этом и возможности были ограничены.

Владимир Костюшев (Центр «Стратегия»): Интересовались ли Вы этими вопросами в Славянской библиотеке в Хельсинки?

- С 17 года туда уже ничего не шло. А до 17 года того, что меня интересует, не могло быть в легальной печати. Но я там работал.

Альберт Баранов (СИ РАН): У меня создалось впечатление, что Вы несколько преувеличиваете эффект от открыток с оскорблениями личности. По сравнению с привычкой русского народа материться, это детский лепет. И он, скорее, свидетельствует о добродушном отношении к ошибкам царя, чем о какой-то озлобленности и недоверии. Эти анекдоты не могли запалить революцию. Что же было запалом? Какие настроения способствовали революции? А то, что революция шла снизу, для меня является очевидным.

- Действительно, была привычка упоминать такие слова. Некоторые из них были вместо знаков препинания. И тогда уже любое упоминание императора могло восприниматься как оскорбление. Но тут есть несколько важных моментов. Кто-то должен оскорбить, кто-то должен донести, кто-то должен возбудить дело, кто-то должен принять это дело и дальше его продвинуть. Например, участники оскорбляют, кто-то из них идет доносить уряднику, который может сказать, чтобы к нему не приставали со всякой ерундой, а может принять донос. То есть тут должна быть замкнутая цепочка, в которой участвует несколько человек. Я имел дело и с ложными (это почти доказано) случаями доносов. При этом доноситель хочет, чтобы полицейский или чиновник поверил в это. Например, был донос на Нейгауза, знаменитого музыканта. Донос был ложный, но все равно он год получил.

Ведь в некоторых случаях не просто ругали, а с использованием определенного сюжета. Например: «Царь продал Россию за 16 тысяч золота, а потом уехал на автомобиле

по подземному ходу». Конечно, в салонах Петербурга в такую чепуху поверить не могли, зато верили в другую чепуху.

К вопросу о том, что запалило революцию. Принято считать, что революции возникают в связи с каким-то действием, проявлением какой-то активности. Я считаю, что это неправильно. Потому что революция предполагает пассивность огромного количества людей, которые должны были что-то делать.

Почему казаки во время февральской революции фактически саботировали приказы? Была некая «итальянская забастовка»: им сказали куда-то ехать – они тихо, спокойно ехали, никого не били. Многие офицеры так же поступали, не выполняя или формально выполняя приказы. Мне кажется, это происходило потому, что на настроения этих людей большое влияние оказывали слухи. Мы знаем, что слухам такого рода верили даже офицеры императорской гвардии, офицеры Генерального Штаба прятали у себя подобные вещи. Кто-то говорил: «У меня есть точные доказательства связи императрицы с Распутиным», - и высокопоставленные чиновники в различных министерствах обсуждали эти слухи. То есть тот механизм, который в нужный момент должен был сработать, не сработал из-за этих слухов.

Примечательно, что после февральской революции левые распространением этих слухов практически не занимались, только иногда, с презрением рассуждали об этом. Большевикам, меньшевикам и эсерам до этого дела не было, этим занимался другой, более правый спектр. Очень сложно сказать, что запалило февральскую революцию. Мы знаем, что в ходе февральской революции монархия прекратила свое существование, а для современников это было вовсе не очевидно, и после февральской революции возник вопрос: «А кого, собственно, мы победили?». И были варианты: победа над бюрократией, патриотическая победа – «Мы победили немца внутреннего, чтобы победить внешнего». Для многих это была патриотическая, антинемецкая, может быть даже шовинистическая революция. Когда рабочие уходили с оборонных заводов, инженеры им кричали: «Что ж вы делаете, ребята? Война идет!». А они отвечали: «Ну и что, царица сама шпионка».

Виктор Пересада: Так что же получается, ни большевики, ни меньшевики не использовали слухи, которые «лили воду на их мельницу»? Были также масоны, сионские мудрецы и прочие. Что же, все они остались в стороне?

- Нет, я не могу сказать, что слухи совсем не использовались. Удивительно, что они использовались так мало. Если говорить о меньшевиках и эсерах, то им не важно, разлагающаяся это монархия или неразлагающаяся, коррумпированная или нет. Для них монархия плоха как таковая, даже если царь был высокоморальным человеком, что и было на самом деле.

Владимир Костюшев: Я очень удивился, когда, будучи студентом, в первом собрании сочинений Ленина прочитал доклад полицейского тайного управления о так называемых социал-демократических кружках, где были Ленин, Кржижановский и другие. Там был приведен такой случай. Полицейские арестовали двух пьяных рабочих, которые шли по Нарвскому проспекту, задирали прохожих и кричали: «Мы социал-демократы, кому хочешь морду набьем!». Вот такой неожиданный образ членов социал-демократических кружков. А таких кружков за Нарвской заставой было множество. Это было еще до 1905 года. Такая информация создает реальный образ реальных людей и является чрезвычайно ценной и важной.

Мой вопрос. Как можно расширить сферы исследования и как более строго обозначить его реальные возможности? В частности, есть ли связь между этой повседневной культурой (она с одной стороны монархическая, с другой - очень пассивная, ерническая) и высокими теориями того времени - Серебряный век, хлыстовство, различные философские и социологические концепции?

- Я занимаюсь политической историей. Мой подход позволяет, как мне кажется, расширить рамки исследований политической истории, а иногда что-то объяснить. Я считаю, что без этого, без этих слухов мы не можем себе представить то обстоятельство, что значительная часть не только либеральных, но и консервативно настроенных членов Государственной Думы фактически выступила против режима. Это необычайно важно. Многие монархически настроенные люди выступили против, и в данном случае их роль была очень велика. Кроме того, мне кажется, что отсюда идет нить, и это связано с другими моими сюжетами, посвященными октябрю 1917 года.

Существует такое мнение, что февральская революция изучена и даже «сверхизучена». Я так не считаю, я считаю, что одна из величайших побед Сталина – «Краткий курс истории ВКПб». Это совершенно гениальная книга, которая и сейчас оказывает влияние не только на некоммунистов, но и - даже в большей степени - на многих антикоммунистов. Если мы посмотрим книгу Ричарда Пайпса «Русская революция» (это антикоммунистическая и во многом антирусская книга), то заметим, что структуры заимствованы оттуда. Многие фрагменты абсолютно «большевицентричны» и «лениноцентричны». Ленин там – Демиург истории. На мой взгляд, все это описано неправильно. Роль Ленина фантастически преувеличена. А следует подумать о другом – о восприятии Керенского. Многие люди консервативных взглядов необычайно радовались тому, что Керенского скинули, так они его ненавидели. Они думали, что между Лениным и Керенским большой разницы нет. Все это напоминает слухи предфевральские, но только Керенский предстает одновременно и как Николай Второй, и как царица, и как Распутин. Вот стишки осени 1917 года: «На столе стоит тарелка, а в тарелке виноград. Николай продал Россию, а Керенский Петроград». Эти стишки о Керенском как предателе не только революции, но и России, очень работали. Можно, конечно, еще больше расширять рамки, но, на мой взгляд, этот сюжет имеет прямое отношение к политической истории российской революции в октябре 1917 года.

***Лев Савушкин:* То есть получается, что какой-то персонаж должен вписываться в представление народа о том, какой он должен быть, а если не вписывается, то тогда начинаются эти мифы?**

- С одной стороны, вписывается, каким он должен быть. С другой стороны, его репрезентации переводятся в разное время по-разному. Например, если говорить о Керенском. Общая мысль – болезненность Керенского. Во многих текстах мы встречаем слова: «зеленое лицо Керенского», «серое лицо Керенского». Есть очень гнусный текст Михаила Зощенко о Керенском, опубликованный в 1938 году: «Больной дегенеративный сын нашей больной дегенеративной декадентской интеллигенции». Конечно, в 1938 году это мог быть только политический заказ. Но видно, что написано с душой, а не только по заказу. Очень интересно, что в марте-апреле 1917 года больной Керенский (тогда тоже говорили, что он больной) – это хорошо, умирающий человек – это образ Марата: он сжигает себя, «поджигает свечу с двух концов», готов перед нами умереть за народ, надрывается в борьбе, рвется в бой. Сначала говорили, что он великий актер революции – со знаком плюс, а потом с пренебрежением – актеришка.

***Андрей Столяров, писатель:* Сначала зародились устные анекдоты, потом власть стала как-то на них реагировать. Фиксировались ли каким-то образом устные анекдоты: в частных дневниках, письмах? Как давно они возникли, прежде чем стать социальным явлением?**

- Трудно сказать, но я знаю, что в годы Первой Мировой войны в дневниках анекдоты есть. Я прочитал меньше дневников, чем мне хотелось бы. И здесь для меня важно, что анекдот появляется как минимум в двух дневниках.

Столяров: В каком слое общества зарождались эти дискредитирующие слухи? В народе, в среднем слое или среди элиты?

- Я всегда старался доказать, что это далеко не всегда транслируется вниз. Что-то очень активно зарождается внизу, иногда совпадает с тем, что говорили наверху, иногда совершенно не совпадает. То есть, слухи идут в разных направлениях. Я, к сожалению, занимаюсь очень ограниченным периодом времени, но считаю, что традиция оскорбления существовала задолго до этого.

Столяров: Мне кажется, что слух о радиостанции народ придумать не мог.

- Что значит «народ»? Люди читали газеты, читали коллективно. Допустим, кто-то один читает газету группе крестьян на улице или где-то еще. Было множество разговоров об измене генералов, о шпионах. Так что вполне мог придумать народ.

Столяров: Последний вопрос. Отсутствие или наличие анекдотов такого рода свидетельствует о стабильности режима или, наоборот, о его нестабильности? Вы это не проверяли, в частности, в демократических режимах? Про Путина ведь ничего не рассказывают.

- Я думаю, что есть и про Путина какие-то анекдоты. Сейчас совсем другая атмосфера создания анекдотов и их циркулирования. Что-то сразу уходит в эстраду. То есть анекдот гораздо быстрее становится товаром, потому что можно его напечатать или продать каким-то другим образом. А его чисто фольклорное путешествие, когда анекдот как-то развивался, шлифовался, улучшался, стало гораздо более коротким. Но я не специалист в этой области.

Мария Мацкевич (СИ РАН): Является ли это характерным только для последнего царствования или в предыдущие царствования тоже были оскорбления императорской семьи, обвинения пусть не в шпионстве, но в чем-то подобном? Вы говорили о Великой французской революции. А было ли у нас что-то подобное в конце 18 века? Ведь Екатерининское царствование, казалось бы, давало для этого почву.

Второй вопрос несерьезный. Недавно по Первому каналу прошел сериал «Гибель империи», который пытался создать новый миф, в противовес тому стереотипу, который у нас существовал относительно периода Первой Мировой войны, миф противоположный. Там, с одной стороны, воспроизводится старая версия о влиянии Распутина, а с другой – новая версия о том, что императорская семья шпионила в пользу Германии. Насколько перспективным Вам кажется этот новый миф?

- 18 век рассматривается в книжке Анисимова. Евгений Викторович Анисимов использует похожий источник применительно к 18 веку. Он делает вывод, который мне кажется слишком «крепким», он приводит эти примеры как доказательство распространения антимоноархического сознания. А я считаю, что даже в 20 веке это не всегда так. Фильм этот я не смотрел. Но, к примеру, у Пикуля были такие же вещи, он серьезно повлиял на многих? У него, кажется, император даже не является отцом наследника. Я не могу говорить об этом профессионально, но считаю, что одним из

направлений влияния «ящика» является «детективизация» сознания. Огромное количество внимания уделяется спецслужбам, вне зависимости от политических взглядов руководителей канала. Упаковано это может быть по-разному, но пишут о спецслужбах многовато. Я не знаю, что за этим стоит, но очевидно, что преувеличенное представление о роли специальных служб в истории – это важный фактор политического сознания.

Лев Савулькин: Как Вы считаете, почему Распутин попал в число этих персонажей? Ведь вокруг императорской семьи было много различных персонажей. Например, в фильме «Агония» нашло воплощение то, о чем Вы рассказываете. Там Распутин гуляет, Вырубова гуляет, там они стекла бьют, там они пляшут. Насколько такой стереотип живуч? Все это так или иначе варьируется, однако к одним персонажам все это прилипает, а к другим – нет. Возьмем, например, Бориса Николаевича. В реку упал, с цветами шел и прочее. Он как тефлоновый, народное сознание все это пропускает. А к другому человеку сразу прилипает. Чем это объяснить? Это какой-то стереотип, или он попадает в какую-то матрицу, или он просто подходит для этого? И насколько это живуче в дальнейшей истории?

- Я не думаю, что скажу что-то интересное. Фигура Распутина столь экзотична и столь ужасна, что сложно себе представить, чтобы вокруг него не народилось огромное количество слухов. При всей комичности Ельцина, это несопоставимо. А генералы спецслужб, которые производили вокруг него какие-то манипуляции – стол переставляли или еще что-то подобное... это не соответствует массовому сознанию. С точки зрения массового сознания это как раз нормально и ничего плохого в этом нет. Ельцин до какого-то момента умел создавать свой имидж, скрыто используя весь арсенал советских политических символов. Он вел себя как Сергей Миронович Киров, выходя на балконы, ведя антикоммунистическую пропаганду. Его восхождение на бронетранспортер – это явная цитата, он почувствовал, что это так милитаризовано, так brutally! А Николай Второй удивительно плохо прописывал свой сценарий власти. А когда он пытался импровизировать в рамках этого сценария, то было еще хуже. Его образы – народный царь, царь-труженик, царь-богомолец, близкий к народу. И фигура Распутина приписывалась к тому образу, который на себя взяли царь и царица – образ народных царей, которые близки к настоящему народу, а не ко двору, не к вестернизированной элите. Но царь был очень плох, а царица просто ужасна в этой своей репрезентации.

Савулькин: Я это понимаю так: если человек не попадает в матрицу, то все – там с ним можно творить что угодно. А если он попал в матрицу, то он становится непробиваем, какие бы слухи про него не шли.

- Мы должны учитывать и реальные политические действия и реальную политическую ситуацию. Кто-то что-то делал, кто-то чего-то не делал. Николай Второй чего-то не делал. Вопрос состоит в том, что он мог сделать в этой ситуации. Во многих отношениях он был заложником этой ситуации. Ясно было в 1916 году, что Россия в Первой Мировой войне, грубо говоря, не «тянула». И надо было не развивать брусилловское наступление, а наоборот ограничивать, не лезть в эту мясорубку. Я очень люблю конец монографии Милюкова, его первая монография, которая посвящена финансовой политике Петра Первого. Кончается она так: «Ценой разорения Петр сделал Россию великой державой». Это эпитафия к нашей истории, это очень ценно, нам важно быть великой державой даже ценой разорения. В годы Первой мировой войны, когда Россия организационно и экономически уже не тянула на великую державу, в 1916 году она вооружила, обула и накормила самую большую армию в мире. Это была очень сложная задача, и она была выполнена, но ценой разорения и дезорганизации страны. Можно было тихо отсиживаться, раз уж втянулись в эту войну. Но общество требовало

героических подвигов, которые бы гарантировали территориальные приобретения. Одним из самых идиотских решений в российской истории было наступление русской армии в июне 1917 года - наступление Брусилов-Керенский, одно из самых глупых. Я не представляю, как профессионально мыслящие люди могли сделать что-то подобное. И это было одобрено большей частью общества энтузиастически.

Выступления

Альберт Барантов (СИ РАН): Вы начали с французской революции, потом говорили о русской революции. Отвечая на вопросы, Вы коснулись нашей последней революции, которая еще свежа в памяти. Мне кажется, есть некоторые исторические аналогии, которые Вам могут быть интересны. Любопытное сравнение с периодом, о котором Вы говорили. 1500 год в Европе. Открытие Америки. Колумб. За шесть лет до того - Лоренцо Медичи. Восстановление античной Академии во Флоренции. Далее Коперник. В 1509 году он приходит к результатам в своей работе о Вселенной. Он открывает Вселенную. 1519 год. Лютер провозглашает свои тезисы, и начинается лютеранство - против Бога. Путешествие Магеллана в 1519 году – впервые вокруг Земли. Леонардо да Винчи в эти же годы. Вот масштаб событий Нового времени. Это было созвездие великих людей и созвездие исторических событий.

Что происходит в России в это время – она же рядом? В это время в России тоже возникает некоторое волнение умов. Монах Нил Сорский в это же время, в 1503 году, на церковном Соборе восстает против монашества, против стяжательства, против церкви, что создает конфликт в государстве, вовлекается царская власть. Все заканчивается уничтожением этих нестяжателей, и происходит очень маленькое волнение в стране. В то же время, совсем рядом происходят фантастические переломы. Мне показалось, что Ваш интерес напоминает разницу масштабов видения истории. Мне кажется, что в революции 1917 года было больше стихийного, чем можно было бы подумать. Но это не было проговорено, это не нашло отражения в речи ни письменно, ни устно. Мне понравились и Ваши версии, и тот великолепный материал, который Вы представили. Но почему мы сегодня слушаем именно это? Хочется понять больше через малое. В малом должны отразиться большие события – и та революция, и эта. Существует вопрос, который стал еще больше по сравнению с тем, каким он был до того, как я сюда пришел. Я думаю, что не навязываю Вам не придуманные Вами сравнения революций. Вы сами перешли границу времени. А какой мотив был у вас, может быть неосознанный? Почему Вас заинтересовала эта маленькая тема в больших событиях? Как она высвечивает революцию?

Я не уверен в том, что у нас сегодня есть какой-то один официоз и какой-то один народ, а между ними какой-то один канал, допустим, Первый. Нет, по-моему, ситуация выглядит не так. Сегодня у нас тоже пытаются на первое место выдвинуть последние мелочи: самые мелкие, но поганенькие, с душком. В результате атмосфера стала невыносимой. Я не подозреваю Вас в чем-то подобном, но мне кажется, что если уж говорить о революциях, то по большому счету. В том куске истории, в котором мы проживаем, демократия и либерализм, любимые детища интеллигенции 19 и 20 веков, присвоены либеральными демократами – первым был Жириновский. И до сих пор никто у них это не отобрал. Революция идет под какими-то ложными лозунгами.

Мне кажется, что нельзя говорить о революции с помощью анекдотов. Это было очень серьезно, и надо было как-то иначе выходить на это время. Таково мое мнение, впрочем, позитивное, безусловно, позитивное.

Владимир Костюшев: Я как раз всегда настороженно относился к различным макротеориям, когда берут какие-то детали и их тщательно описывают, коллекционируют все от фамилий до представленных нам ситуаций. Однако, мне кажется чрезвычайно

ценным твоё наблюдение того, что революция – это не только активность большевиков и меньшевиков. Это ещё и пассивность огромного большинства людей. Многие из них, акторы, могли что-то делать и ничего не делали. Это наблюдение мне кажется очень верным и справедливым. Эти наблюдения за повседневной политической культурой говорят как раз об этой пассивной части и многое если не объясняют, то хотя бы описывают. Меня удивляет только, что тебе неинтересна высокая культура Серебряного века – все эти Двьяволиады Мережковских. Можно было бы проследить переключку между этим представлением о Распутине и какими-то высокими философскими книжками.

Лев Савулькин: Мне, к примеру, было бы интересно, как создаются мифы, которые способствуют уважению к власти, или которые власть низводят до нуля и развенчивают. На мой взгляд, основной интерес из того, что я от Вас услышал, заключается в том, что в определенную эпоху возникло ощущение, что она порочная, гадкая. А в другую эпоху возникает ощущение, что она думает о народе. Кто-то попадает в этот миф, кто-то не попадает. Кто-то манкирует им, кто-то не манкирует. Мне кажется, что это самое важное.

Андрей Алексеев (СИ РАН): Дело в том, что то, чем занимается Борис Колоницкий, немножко оскорбило Альберта Васильевича [Баранова]: как можно так говорить о таких высоких материях! Мы привыкли к макросхемам. А сама народная жизнь такова, какой нам её преподнес Борис Иванович. Единственное, к чему можно предъявить претензию, так это название. Порнографией там и не пахнет, показанные Вами картинки очень целомудренные. А народная стихия, народное восприятие, по крайней мере, из того, что рассказывал докладчик, всегда далеки от официальных схем. Это исследование о социальной психологии – политической социальной психологии. Это исследование массовой культуры, народного сознания, которое является не только фоном, но и действующей средой для исторических традиций. Петр Первый был Антихристом в народном сознании. Было бы интересно все это народное восприятие власти выстроить от 16 века до наших дней.

Борис Колоницкий: Одним из моих любимых источников является так называемый «Дневник» Зинаиды Гиппиус. О последней редакции дневника она врала: «так хочется что-то изменить, но могу – дневник, документ эпохи». А на самом деле существует первая редакция 1918 года, и там куча вещей, иногда матерных. Так что нет никакого коренного отличия представлений интеллигенции Серебряного века от простонародных слухов. У З.Гиппиус путь восприятия Керенского очень похож на путь какого-то малограмотного солдата, хотя они были знакомы, а я подозреваю, что у них был роман (железно доказать не могу, но что-то там было).

Думаю, что тут виноват я: нужно было все это обозначить какой-то рамкой, но мне хотелось сказать покороче. Вопрос состоит в том, почему я занимаюсь революцией, почему я занимаюсь этим сюжетом в революции? Почему занимаюсь революцией 1917 года – достаточно объяснимо. Это важно для нас, это понятно. Почему занимаюсь такими сюжетами? Тут мы упираемся в вопрос, что же такое революция. Я думаю, каждый из присутствовавших даст свое определение, по крайней мере, одно, а то и не одно. И будет очень мало людей, которые согласятся друг с другом. Я понимаю революцию как специфическое состояние власти. Если власть – это способность проводить свои решения с помощью закона, силы и авторитета, то революция – это очень специфическое время. Действуют несколько центров законотворчества, и люди вправе выбирать, на какую систему им ориентироваться. Кажется, что революция – это такая брутальная вещь, где действует определенная сила. На самом деле это не так. В обычное время государство

обладает монополией использования насилия: убивать плохо, но когда это делает государство, то можно.

В условиях революции действует множество таких центров. Во-первых, более важным, чем в так называемые нормальные периоды времени ресурсом власти становится, как мне кажется, авторитет. И, соответственно, в условиях революции он приобретает такие вещи, которые в политике присутствуют всегда. Всегда присутствует какая-то символика, но в периоды революции он особенно важна, она особенно нагружена. Второе. Мы не можем себе представить политику без персонификации. Некоторые люди объясняют нашу русскую историю какими-то специфическими чертами национального характера. Существует множество работ, где, например, Сталин выводится из Ивана Грозного, Ленин - из Петра Первого. Хитростей особых нет. Очень напоминает англо-саксонскую литературу времен Второй Мировой войны, где Гитлер выводился напрямую из Лютера. Мне все эти вещи не нравятся. Это очень примитивно.

Мы можем набрать примеры и в других странах, в других культурах. Перонизм существовал какое-то время после смерти Перона. Голлизм существовал после смерти де Голля. Факт тот, что в условиях революции персонификация особенно важна. И мне кажется, что такие вещи, как персонификация и символизация в политике, когда они совпадают, очень связаны с такими вещами, как репрезентация политических лидеров или создание политических культов – культов вождей. У нас долго говорили о культуре личности. И только сейчас появилась нормальная работа, посвященная культу личности Сталина, и то не на русском языке (книга Яна Плантера). Три работы есть, посвященные культу Ленина, но там есть еще над чем поработать. Я заполняю лакуны, которые есть. Я считаю, что необходимо изучать персонифицированную власть и ее репрезентации. Я считаю, что эта тема не периферийная, а находится в центре исследований. Конечно, каждый из нас считает, что он занимается самым важным делом в мире, и я не исключение. Но все-таки, революция – это вопрос о власти и дальше надо рассуждать, что такое революция, что такое власть.